

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*В краю глухом Высокогорья,
Где воздух сыт морскою солью,
У стариков румяны лица,
У дев тихи глаза.*

Роберт Льюис Стивенсон

Могла бы и знать, милочка, что в Высокогорье принято наряжаться к ужину. Мэгги Бэрд грузно поерзала в водительском кресле и дернула рычаг передач.

Рядом, в пассажирском кресле обшарпанного «Рено-5», сидела ее племянница Элисон Керр, хранившая скорбное молчание. Тетушка Мэгги уже не раз и не два сообщила все, что думает о жалком виде Элисон, не успели они из дома выйти. Элисон оправдывалась тем, что, если бы ее предупредили о приглашении в замок Томмель, она смогла бы привести в порядок прическу, а может, даже и купить новое платье. Но она отправилась в дорогу в обычной синей юбке, белой блузке и с сальными волосами.

Пока Мэгги Бэрд истязала машину по дороге в поместье (переключая передачи как попало и без всякой

видимой причины выжимая тормоз), Элисон сидела и размышляла о том, как же ей не везет.

А казалось, в жизни появился новый смысл, забрезжила новая надежда, когда в бристольской больнице, где Элисон восстанавливалась после рака легких, объявилась Мэгги Бэрд, сестра ее матери. Родителей Элисон уже не было в живых. А будучи живыми, они не упоминали о миссис Мэгги Бэрд, разве что: «Милая, мы о ней не говорим и не хотим иметь с ней дело».

Когда Элисон думала, что умирает, она написала Мэгги. В конце концов, из родственников у нее осталась только она — кто-то же должен организовывать похороны. Мэгги ворвалась в палату, на всю мощность излучая материнское тепло: Элисон отправится с ней в новый дом в Высокогорье и будет поправляться там.

Так Элисон очутилась в Сатерленде, в просторном коттедже с видом на море, который был расположен на холмах по соседству с деревушкой Лохдуб на самом севере Шотландии.

Первая неделя прошла тихо-мирно. В коттедже было не продохнуть из-за ковров, мебели и отопления. Но имелась сноровистая домработница — то, что в прежние времена называлось «прислугой за всё», — которая каждый день приходила из деревни, чтобы готовить и убирать. Звали это сокровище миссис Тодд. С Элисон она обращалась как с маленькой девочкой (хотя Элисон шел тридцать второй год) и пекла для нее кексы к вечернему чаю.

Ко второй неделе Элисон мечтала сбежать. Мэгги то и дело ездила за покупками в деревню, но никогда не

брала Элисон с собой. Материнское тепло притухло, уступив место колючей желчности. Элисон, все еще слабая, робкая и одуревшая после недавнего спасения от смерти, не могла противостоять тете и вынуждена была молча сносить все новые и новые оскорбления.

И вот они получили приглашение на ужин у Халбертон-Смайтов, местных землевладельцев, проживавших на другом конце деревни в поместье Томмель. Мэгги хранила это приглашение в тайне до самой последней минуты. Отсюда и немывтые волосы, и блузка, и юбка.

Они стали круто взбираться на холм, и Мэгги опять со всей дури рванула рычаг передач. Элисон нахмурилась. Так обращаться с машиной! Если б она сама умела водить! Эх, мчаться бы вверх и вниз по склонам и быть свободной, а не заточенной в тюрьме с коврами и центральным отоплением. Конечно, следовало бы просто уехать и найти работу где-нибудь, но врачи советовали не переутомляться еще хотя бы полгода, да и сама Элисон чувствовала, что слишком истощена, чтобы пытаться сбежать от Мэгги. Возможный рецидив пугал ее до ужаса. Легко говорить, что в наши дни рак не приговор. Элисон удалили небольшую часть легкого. Она это остро переживала, воображая, что в груди у нее зияет огромная дыра. Что ни утро, Элисон страшно тянуло курить. Она и думать не хотела, что болезнь спровоцирована ее прежней диетой — какими-то жалкими сорока сигаретами в день.

Красная машинка нырнула в величественные ворота и покатила по ухоженной подъездной дорожке.

Элисон собралась с духом. Какими они окажутся, эти люди?

Присцилла Халбертон-Смайт размазывала еду по тарелке, мечтая о моменте, когда все это наконец закончится. Ей не нравилась Мэгги Бэрд, блиставшая в своем просторном зелено-золотом балахоне. Та с аппетитом расправлялась с угощением, ведя беседу с полковником Халбертон-Смайтом о бесчинствах браконьеров и щеголяя аристократическим произношением. И только Элисон знала, что таков был талант Мэгги — рассуждать со знанием дела о вещах, в которых она почти не смыслила.

«Не могу ее раскусить, — думала Присцилла. — Огромная толстуха, совсем загнобила бедную племянницу. А папа так и изображает из себя эдвардианского кавалера. Чем же она его взяла?»

Она снова бросила взгляд на Элисон. Элисон Керр в свои тридцать казалась такой щедеушной, что трудно было увидеть в ней взрослую женщину. На носу у нее сидели толстые очки в роговой оправе, а темные волосы крыльями падали на лицо, почти скрывая его. У нее была очень хорошая кожа — бледная, чуть ли не прозрачная. Присцилла коротко улыбнулась ей, но Элисон, глянув волком, уставилась себе в тарелку.

Присцилла была воплощением всего, что Элисон презирала. Красота ее была холодная, сдержанная; светло-золотистые волосы уложены просто, но безупречно; платье из алого шелка с испанскими рука-

вами в оборках стоит, должно быть, целое состояние; в голосе звучат очарование и беззаботность.

«Я тоже была бы очаровательна и беззаботна, если бы жила в замке с родителями, которые души во мне не чают, — думала Элисон с горечью. — Знаю я, что означает эта улыбка. Ей меня жалко. Да пошла ты».

— Вы скоро привыкнете, миссис Бэрд, что в Высокогорье то и дело приходится садиться за руль, — сказал полковник.

— Что верно, то верно, — вздохнула Мэгги и взглянула на него с лукавым огоньком в глазах. — В деревню не наездишься. Так и снуешь туда-сюда, как белье на шлюхе.

Повисло молчание. У миссис Халбертон-Смайт открылся рот, но без единого слова закрылся. Полковник вежливо хохотнул.

— Здесь, конечно, не Лондон, — сказал он, меняя тему. — Нет азиатских магазинчиков на каждом углу. Нужно уметь планировать, понимаете? Например, закупаться на всю неделю за один раз, это вполне возможно. Но ваша экономка, кажется, не занимается покупками?

— Я предпочитаю делать покупки сама, — ответила Мэгги, вновь превращаясь в провинциальную леди. — Мне нравится выбирать самое лучшее. Хотя Лохдуб в этом плане довольно ограничен. Такое ощущение, что местные сидят на одних рыбных палочках.

— Вам стоит съездить в Инвернесс, — сказала миссис Халбертон-Смайт. — Теперь там есть буквально все.

Настоящий бум: город растет на глазах. Еще на моей памяти это было тихое, сонное местечко. По главной улице гоняли хайлендских коров на рынок. А теперь куда ни глянь — одни машины.

— И рост преступности, — заметил полковник. — Какой дурак в Стратбейне решил оставить нас без полицейского? Ума не приложу, о чем они там думают.

— Хэмиш! — воскликнула Присцилла. — Ты ничего не говорил. — Она улыбнулась Элисон и пояснила: — Я вернулась только вчера вечером и не знаю новостей. Хэмиша перевели? Куда?

— Закрыли участок и забрали этого лентяя в Стратбейн, — ответил отец. — Забавно: мне казалось, от Макбета никакой пользы. Но вот его нет — и кто-то повадился ставить сети на лосося в моей реке. Это бы Макбет быстренько прекратил. Хотя никого не арестовал бы, как всегда.

— Как ужасно, что Хэмиша забрали! — сказала Присцилла. — Такая потеря для деревни.

— Разве что для тебя, деточка, — съязвил полковник.

Хладнокровие Присциллы поколебалось. «Ого, — подумала Элисон, — неужели принцесса из замка влюблена в деревенского копа?»

Происходящее забавляло Мэгги.

— Если хотите его вернуть, — сказала она, — просто устройте в деревне парочку преступлений.

Она состроила полковнику глазки. «Словно под жиром умирает роковая красotka», — подумала Присцилла, а вслух сказала:

— Замечательная мысль! Надо организовать собрание в сельском клубе и обсудить со всеми.

Полковник, казалось, хотел возразить, но Мэгги зажглась этой идеей. Ей нравилось воображать себя первой леди деревенского общества.

— Беру это на себя, — сказала она. — А Элисон мне поможет. Или хотя бы попробует. Она, знаете ли, не слишком способная. Когда назначаем собрание?

— Может, в эту субботу? — предложила Присцилла.

— Только не говори, что вы будете подстрекать жителей к преступлениям, чтобы вернуть Макбета! — воскликнула миссис Халбертон-Смайт.

— Надо что-то предпринять, — ответила Присцилла. — Все обсудим и будем голосовать.

— За что голосовать? — недовольно спросил отец.

— За предложения, которые поступят, — ответила Присцилла уклончиво. — Тебе не обязательно участвовать, папа. Уверена, мы с миссис Бэрд прекрасно справимся.

Элисон вдруг поймала себя на том, что мысли ее крутятся вокруг этого деревенского копа. Наверное, он и правда какой-то необыкновенный, если даже неприступная Присцилла дрогнула. Элисон погрузилась в мечтания. А что, если она поможет его вернуть? Будет стараться больше Присциллы? Этот Хэмиш Макбет наверняка похож на Красавчика Принца Чарли с жестяных коробок из-под печенья — высокий, статный, светловолосый. Он влюбится в Элисон и увезет ее подальше от Мэгги, а Присцилла будет вечно

помнить, что для мужчин внутренняя красота Элисон важнее, чем шаблонное смазливое личико. «Души в ней нет», — думала Элисон, искоса поглядывая на Присциллу в попытке найти хоть один изъян.

Ужин, слава богу, подошел к концу. Дворецкий укутал Мэгги в объемную шубу из норки. «Надеюсь, Макбет не состоит в обществе защиты животных, — злорадно подумала Элисон. — Здесь, наверное, целая норковая ферма полегла».

На прощание полковник вдруг наклонился к Мэгги и чмокнул ее в мясистую щеку. Она одарила его лукавым взглядом, и полковник, расправив плечи, зашагал прочь, словно бойцовский петушок.

«О господи, — подумала Присцилла, — надо же дать себя так оболванить».

Знала бы она, что эта маленькая неуместная галантность вот-вот запустит цепочку событий, которая вскоре приведет к убийству.

* * *

За окнами машины мелькали зимние пейзажи, а в небе сияли яркие звезды Сатерленда. Мэгги пребывала в отличном настроении. Итак, мужчины все еще обращают на нее внимание. А если она привлекательна даже при нынешней... упитанности, что будет, если привести себя в порядок?

«А все этот проклятый официантишка», — думала Мэгги.

За свою бурную жизнь Мэгги Бэрд довелось неплохо заработать. Нет, она не скатилась до улицы, дважды побывала замужем (и дважды развелась), но сделала настоящую карьеру: весьма состоятельные мужчины, целый перечень. Изредка — мужчины победнее, когда хотелось чего-то новенького. Как и большинство женщин, отличающихся аппетитом за столом, Мэгги отличалась аппетитом и в постели. Однако, в отличие от своих соратниц, она не пускала сбережения на ветер: умело продавала и покупала недвижимость, с умом вкладывала средства. Но потом все пошло прахом. Сколотив уже немалое состояние, Мэгги в качестве развлечения связалась с греческим официантом и впервые в жизни безнадежно влюбилась — чтобы в один прекрасный день обнаружить, что *ее* смуглый красавец откладывает *ее* деньги на свадьбу с какой-то юной блондинкой из Степни. Казалось, жизнь окончена.

Она купила коттедж в Высокогорье — тихом месте, чтобы зализывать раны. Осветленные волосы отросли, вернулся природный каштановый цвет с пробившейся сединой. Она стала набирать вес. Облачалась в твид, замшевые шляпы, дождевики и броги, чтобы вжиться в образ шотландской леди, как будто под толщей жира и шерстяных жилетов можно было спрятать разбитое сердце.

Забрав Элисон из больницы, Мэгги ненадолго заполнила пустоту в душе. Однако чувство новизны прошло, эффект выветрился. Боль от предательства официанта тоже притупилась.

— Есть еще порох в пороховницах, — бодро заметила она.

— Ты про бензин? — спросила Элисон.

— Про себя, дурында. Из этой развалюхи бензин так и хлещет.

— По-моему, замечательная машина, — робко сказала Элисон. — Тетя, ты...

— Я же просила, не называй меня так! — перебила Мэгги.

— Да, прости... Мэгги. Слушай, может, мне пойти на уроки вождения? Тебе не пришлось бы самой ездить за покупками.

— Мне и без твоих уроков есть, на что тратить деньги, — фыркнула Мэгги. — А полковник-то — тот еще кобель. И жена — пустышка, серая моль. А уж дочурка! Совсем никакая.

— Вот-вот, — горячо поддакнула Элисон.

Обе с удовольствием принялись перебивать Прицилле косточки и по возвращении домой впервые за несколько недель были вполне довольны друг другом.

Шотландское Высокогорье славится своими уютными городками и деревеньками, но Стратбейн определенно не входит в их число. Когда-то и здесь было славно, но в начале пятидесятых город стал центром легкой промышленности, и сюда стали приезжать со всех концов страны. Улицы обросли уродливой типовой застройкой. Кричащие супермаркеты, дискотеки, винные бары и прочие «прелести» бурного роста